

Абузар БАГИРОВ,
доктор филологических наук,
профессор Университета МГИМО МИД РФ,
ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. А.М. Горького РАН

ПЕРВЫЙ НАРОДНЫЙ ПОЭТ АЗЕРБАЙДЖАНА

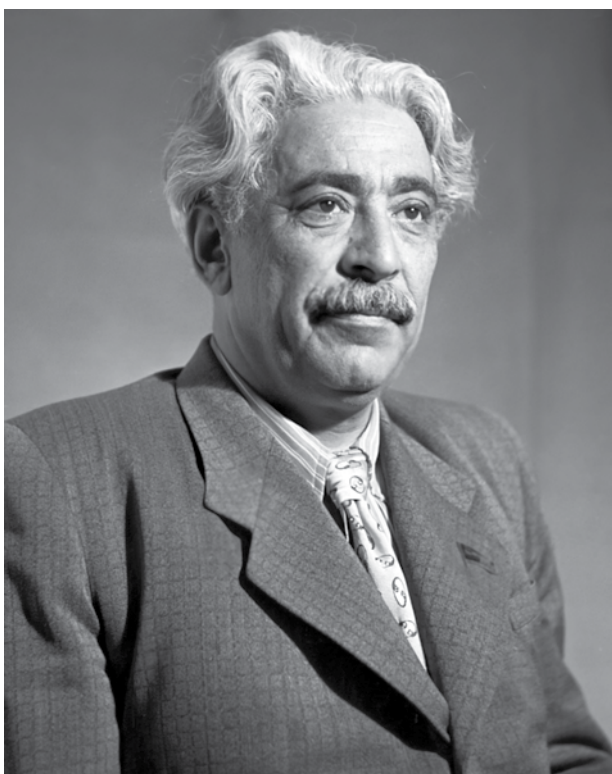
Давно замечено, что судьба большинства гениальных личностей не складывалась гладко, многих уже с раннего возраста преследовали суровые испытания – тяжёлое материальное положение семьи, врождённые или приобретённые, а порой и неизлечимые физические недуги, сиротство, предательство, другие невзгоды. Подобные превратности судьбы способствовали формированию у таких людей цельного характера, за-

каливанию силы воли, наращиванию иммунитета жизнестойкости, вызывали неугасимое желание лепить самого себя, «выжать сок из камня» ради будущего своего. Видимо, согласно закону некоей космической Справедливости Всевышний вначале испытывает тех своих рабов, кого удостоил особым вниманием, чтобы затем вознаградить сполна, наделяя необыкновенными, выдающимися дарованиями, превращая в гениев, то есть людей избранных...

Жизненный и творческий путь легендарного азербайджанского поэта, известного драматурга, критика, литературоведа, публициста, переводчика и видного общественного деятеля Самеда Вургуня – яркий пример судьбы гениальной личности. **Векилов Самед Юсиф оглу родился 21 марта 1906 года в селе Гыраг Салахлы Газахского уезда – ныне Газахский район Азербайджана. Псевдоним поэта «Вургун» означает «влюблённый».** Детство будущего великого поэта было омрачено лишениями, сопутствовавшими жизни семьи обедневшего бека, которые в 1912 году усугубила тяжёлая утрата – смерть 28-летней матери Махбубы ханум. Шестилетний Самед остался под присмотром бабушки по матери Айше ханум и отца Юсиф ага.

Окончив в 1918 году русско-татарскую сельскую начальную школу, художавый, смуглый двенадцатилетний Самед по желанию отца вместе со старшим братом Мехтиханом (1902–1975) собрался поступить в Газахскую учительскую семинарию,

Самед Вургун, 1954 г. Фотограф Михаил Озерский

Самед Вургун, Александр Корнейчук и Сабит Муканов. Москва, 1954 г. Фотограф Яков Берлинер

но возраст не позволял. В то время директором семинарии, вновь созданной **на базе азербайджанского отделения знаменитой Горийской учительской семинарии, был известный педагог и литературовед Фирудин бек Кочарли** (1863–1920). Его супруга Бадисаба ханум происходила из рода Векиловых, была близкой родственницей Юсиф аги. Под покровительством самого Фирудин бека сметливый, бойкий юноша после многочасового собеседования был принят в семинарию.

Но не зря говорят: беда не приходит одна. В 1922 году братья Векиловы – юные семинаристы потеряли отца, оставшись круглыми сиротами, а спустя ровно год ушла из жизни их любимая бабушка Айше ханум. О братьях стала заботиться их двоюродная сестра, педагог Хангызы Векилова. В 1924 году Мехтихан и Самед блестяще окончили семинарию и получили диплом учителя по родному языку и литературе. С 1924-го по 1929 год Самед Векилов преподавал азербайджанскую литературу в средних школах Газахского и Губинского уездов, в городе Гянджа. **Будущий прославленный поэт в годы учёбы в семинарии научился виртуозно играть на скрипке, сазе и таре, в совершенстве овладел русским языком.** Молодой учитель глубоко изучал произведения таких классиков азербайджанской литературы, как Низами (1141–1209), Физули (1494–

1556), Вагиф (1717–1797), М.Ф.Ахундов (1812–1878), М.А.Сабир (1862–1911), Дж.Мамедкулизаде (1866–1932) и других. Он близко познакомился с творческим наследием мировых и русских классиков: У.Шекспира (1564–1616), Дж.Байрона (1788–1824), О.Бальзака (1799–1850), И.Гёте (1749–1832), А.Пушкина (1799–1837), М.Лермонтова (1814–1841), Л.Толстого (1828–1910), Н.Гоголя (1809–1852), А.Чехова (1860–1904), В.Маяковского (1893–1930), М.Горького (1868–1936).

Рано заинтересовавшись литературой, Самед на первых порах писал короткие стихи. Будучи школьным учителем литературы в Гяндже, он вступил в отделение литературного общества «Гызыл галемлер» («Красные перья»), начал печататься в местных и центральных органах печати. **Первая публикация Самеда Вургуня – стихотворение «Обращение к молодёжи» – вышла в 1925 году в тифлисской газете «Ени фикир» («Новая мысль»).** Большинство стихов, вошедших в два его первых сборника – «Клятва поэта» (1930) и «Фонарь» (1932), написано в период учёбы в Москве на филологическом факультете Второго Московского государственного университета (1929–1931). Вернувшись в Баку, поэт в 1932 году поступил в аспирантуру Азербайджанского Государственного Педагогического института, затем стал аспирантом научно-исследовательского института.

Одна из комнат в доме-музее Самед Вургун в Баку

В 1934 году Самед Вургун был **избран членом Правления и ответственным секретарём Союза писателей Азербайджана. В августе того же года поэт принимал активное участие в работе I Всесоюзного съезда писателей в Москве**, где вошёл в состав Правления Союза писателей СССР от делегации Азербайджана.

В 1930-е годы в полную силу раскрылся поэтический талант Самеда Вургун, у которого вышло в свет один за другим несколько сборников: «Тетрадь души» (1934), «Стихотворения» (1935), «Свободное вдохновение» (1939). Только **в 1935 году поэт написал 7 поэм и около 100 стихотворений, среди которых знаменитое стихотворение «Азербайджан»**, ставшее поистине одним из бессмертных творений азербайджанской поэзии всех времён. Это стихотворение явилось своего рода манифестом творчества поэта.

В этот же период поэт много внимания уделял **художественным переводам**. Им были переведены произведение «Девушка и смерть» А.М.Горького, поэма «Евгений Онегин» А.С.Пушкина, за что был удостоен медали Пушкинского комитета, а за воспроизведение на азербайджанском языке части поэмы великого грузинского поэта Шота Руставели (1172–1216) «Витязь в тигровой шкуре» – почётной грамоты ЦИК Грузии. В творческом наследии Самеда Вургун также имеются переводы произведений Тараса Шевченко (1814–1861), Ильи Чавчавадзе (1837–1907), Жамбыла Джабаева (1846–1945). А в

1939 году поэт представил литературному сообществу Азербайджана блестящий перевод с персидского третью поэму Низами Гянджеви «Лейли и Меджнун».

Высочайшим творческим достижением С.Вургун тех лет, несомненно, является **драматическая пьеса в стихах «Вагиф» (1938), посвящённая событиям из жизни азербайджанского поэта-классика XVIII века Моллы Панаха Вагифа**. В 1941 году пьеса была удостоена Государственной премии СССР. Поэт с детства любил простую и чарующую поэзию Вагифа, вдобавок героический образ поэта-борца увлекал его с юности. Он посвятил своему кумиру стихотворение «Смерть поэта» (1935), в котором выразил отношение к творчеству Вагифа и к его трагической судьбе.

В 1939 году появилось второе драматургическое произведение С.Вургун – «Ханлар», пьеса в стихах, посвящённая жизненному пути одного из азербайджанских лидеров рабочего движения Ханлара Сафаралиева. В 1941 году на сцене Азербайджанского государственного драматического театра осуществилась **постановка третьей по счёту драмы в стихах поэта – «Фархад и Ширин» за которую ему была присуждена вторая Государственная премия СССР**. Пьеса эта ставилась на сценах Москвы и других городов Советского Союза. Четвёртая философская драма в стихах Самеда Вургун под названием «Человек» была написана в 1945 году.

Могила Самеда Вургуну на Аллее почётного захоронения в Баку

Самедом Вургуну создано **около 30 поэм на современные, исторические и легендарные темы**, среди которых незавершённая «Комсомольская поэма», (1933), «Мурадхан» (1933), «Локбатан» (1933), «Хумар» (1933), «Скамья смерти» (1934), «Горькие воспоминания» (1935), «Виселица» (1935), «Умершая любовь» (1935), «Двадцать шесть» (1935), «Смерть поэта» (1936), «Басти» (1936), «Девичья скала» (1937), «Талыстан» (1937), «Легенда о луне» (1940), «Дастан о Баку» (1944-1946), «Негр говорит» (1948), «Мугань» (1949), «Айгюн» (1951-1952), «Знаменосец» (1953) и др. Основное содержание поэм С.Вургуну составляют жизнь и борьба народа. Эти произведения представляют собой гимн новому человеку, поэзию мудрости и реализма, а кроме того, они содержат в себе основные парадигмы едва зарождавшейся тогда национальной идеи азербайджанства. Эти поэмы являлись яркими образцами современной азербайджанской патриотической поэзии.

Годы Великой Отечественной войны (1941–1945) были ознаменованы наибольшим всплеском творчества Самеда Вургуну. Стихи этого периода – искреннее выражение глубоких патриотических переживаний поэта. **Стихотворение «Материнское напутствие» явилось новаторским не только для творчества самого Самеда Вургуну, но в целом для азербайджанской, да пожалуй, и советской поэзии.** Написанное в грозные дни, это стихотворение представляет повышенный интерес как художественное произве-

дение, раскрывающее без излишней детализации то, о чём думали и чем жили в то время самоотверженные, преданные Родине азербайджанские женщины-матери, а вместе с ними весь народ. Азербайджанская женщина, вырастившая сына, возглавлявшая на него тысячи надежд и лелеявшая мечту о дне свадьбы, снаряжает его на фронт, напутствуя быть в бою бесстрашным, разить врагов, беречь коня и оружие, и вернуться победителем.

В эти же годы поэт создал **цикл патриотических стихов, вдохновлявших на подвиги тружеников тыла и бойцов на передовой:** «На страже Родины», «Приветствие поэта», «Подвиг героя», «Речь старого героя», «Сыну Азербайджана», «Мне рассказали», «Сестра милосердия», «Партизану Бабашу», «Безымянный герой», «Знаменосец», «Город в огне», «Встреча с Москвой», «Москва» и т.д.

В 1943 году Самед Вургун был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств Азербайджана. **В 1945 году он вошёл в число учредителей Академии наук Азербайджанской ССР и стал её действительным членом.** С 1954 года до конца жизни поэт-академик занимал пост вице-президента АН Азербайджана. С 1946-го по 1956 год он избирался депутатом Верховного совета СССР 2–4 созывов, а **23 января 1956 года первым был удостоен почётного звания Народного поэта Азербайджана.** Несомненно, это первенство он в полной мере заслужил своей многосторонней творческой деятельностью,

Первые члены Президиума АН АзССР, 1945 г. Сидят - слева: С.Вургун, И.Г.Есьман, У.Гаджибеков, А.Ализаде, М.Миркасимов (президент Академии), И.И.Широкозоров, А.А.Гроссгейм, М.А.Топчибашев. Стоят: Ю. Мамедалиев, М. А. Ибрагимов, Ш. А. Азизбеков, Г. Н. Гусейнов, Мир-Али Кашкай, С. А. Дадашев, М. А. Усейнов

большим и ярким талантом. Этот великий творец смог раскрыть в своих произведениях всю романтическую палитру слова. Его поэзия – образец высокого искусства, отражающего самые возвышенные человеческие помыслы. Огромный талант, крылатое вдохновение, глубокое общественное мировоззрение, истинный патриотизм и современность – таковы главные черты поэзии Самеда Вургун.

Помимо множества высокопробных творений, поэт своими **критическими статьями, докладами и выступлениями внёс достойный вклад в развитие всей советской литературы.** Его профессиональные, скрупулёзные, аналитические статьи о творчестве Низами, Вагифа, М.Ф.Ахундова, Натаван (1832–1897), Дж.Джаббарлы (1899–1934), А.С.Пушкина, В.В.Маяковского относятся к лучшим достижениям азербайджанской литературной критики и литературоведения. Литературно-критические работы Самеда Вургун представляют собою пример неразрывного единства слова и дела в творчестве писателя.

Неутомимый труженик пера, народный любимец, один из корифеев азербайджанской поэзии Самед Вургун ушёл из жизни в пятидесятилетнем возрасте, в расцвете сил 27 мая 1956 года и похоронен в Баку на Аллее почётного захоронения. Говорят, «на детях гениев природа отдыхает». К счастью, этот постулат не относится к детям Самеда Вургун. Его дочь **Айбениз Векилова** (1937–2009) стала известным филологом, всю свою сознательную жизнь, посвятив изучению, сохранению, распространению и изданию богатого творческого

наследия великого отца, а на склоне лет (2006–2009) была директором дома-музея Самеда Вургун.

Старший сын, **Юсиф Самедоглу** (1935–1998) – автор тонких психологических рассказов и культового в 80-е годы прошлого века романа «День казни». В 1998 году удостоен звания Народного писателя Азербайджана.

Младший сын, **Вагиф Самедоглу** (1939–2015) – яркий представитель азербайджанской интеллектуальной поэзии, Народный поэт Азербайджана (1999).

На творчество великого поэта оказали огромное влияние **азербайджанская классическая и народная, ашугская поэзия**, эпическая широта, философская романтика поэм Низами Гянджеви, божественно-земная любовь в произведениях Мухаммеда Физули, возвышенная простота и завидная образность поэзии Вагифа. В большинстве лирических стихотворений, во многих разноплановых поэмах и во всех стихотворных пьесах поэта **наряду с реализмом заметно доминирует возвышенно-философский романтизм.** Перу Самеда Вургун принадлежат многочисленные высокохудожественные образцы лирической поэзии, десятки ярких, остросюжетных романтических поэм, несколько историко-философских событийных поэтических драм, множество глубоких публицистических, научно-публицистических, критических и литературоведческих статей, выступлений, писем, а также адекватно-благозвучные переводы, сделанные с непревзойдённым мастерством. Всё это богатое творческое наследие незабвенного поэта неоднократно издавалось как отдельными книгами, так и собраниями со-

Памятник Самеду Вургуну в Баку. Скульптор Фуад Абдурахманов, архитектор Микайыл Усейнов

чинений на азербайджанском, русском и многих иностранных языках – в Баку, Москве и, без преувеличения, во многих странах мира многомиллионными тиражами. ✨

Литература

1. Антология азербайджанской поэзии. Под редакцией В.А.Луговского и Самеда Вургун. Москва, «Художественная литература», 1939. 426 с.
2. Антология азербайджанской поэзии, в трёх томах. Том третий. Составители: М.Тахмасиб, М.Рзакулизаде, Наби Бабаев (Хазри). Переводы под редакцией П.Антокольского и Ч.Гусейнова. Москва, «Художественная литература», 1960. 280 с.
3. Очерк истории азербайджанской советской литературы. Подготовлен к печати Институтом литературы и языка им. Низами АН Азерб. ССР совместно с отделом советской литературы ИМЛИ им. А.М.Горького АН СССР. Ответственные редакторы: З.С.Кедрина, Г.Б.Бабаев. Москва, «Наука», 1963. 570 с.

4. Azərbaycan Sovet ələbiyyatı. Ali məktəblər üçün dərslik. Redaktorları: Ə.Mirəhmədov, B.Vahabzadə, F.Hüseynov. Bakı, "Maarif", 1966. 436 s.
5. Azərbaycan Sovet ələbiyyatı tarixi. İki cilddə. I, II c. Baş redaktor akad. M.Arif. Bakı, "Elm", 1967. 638 s.; 502 s.
6. Səməd Vurğun. Seçilmiş əsərləri. İki cilddə. I, II c. Tərtib edən: Aybəniz Vəkilova. Bakı, "Azərənəşr", 1976, 288 s.; 224 s.
7. Самед Вургун. Избранные произведения. Составление и примечания А.С.Гусейнова. Общая редакция Ч.Г.Гусейнова. Вступительная статья Б.М.Вагабзаде. Ленинград, «Советский писатель», 1977, 766 с.
8. Мамед Ариф Дадашзаде. Азербайджанская литература. Учебное пособие для филологических факультетов университетов. Москва, «Высшая школа», 1979. 232 с.
9. Самед Вургун. Собрание сочинений в трёх томах. Составление и комментарии А.Гусейнова, К.Талыбзаде. Под общей редакцией Ч.Гусейнова. Москва, «Художественная литература», 1978; 1979; 1980, 414 с.; 389 с.; 302 с.
10. Т.Ə.Əhmədov XX əsr Azərbaycan yazıçıları. Ensiklopedik məlumat kitabı. Bakı, «Nurlar», 2004. 984 s.
11. Иса Габиббейли. Литература. Время. Современность. Монография (отв. ред. А.М.Багиров). Москва: «Художественная литература», 2020, 464 с.
12. Иса Габиббейли, Абузар Багиров. Азербайджан – жемчужина Турана. Монография-антология. Отв. редактор: А.М.Багиров. Москва, «Художественная литература», 2020, 656 с.

Samed Vurgun's works include numerous highly artistic samples of lyric poetry, dozens of bright and sharp romantic poems, several historical and philosophical event-based poetic dramas, many profound scientific, critical and literary articles, introductions, letters, as well as amazing translations made with unparalleled skill.... The great poet was greatly influenced by Azerbaijani classical, folk and ashig poetry, the epic breadth and philosophical romanticism of Nizami Ganjavi's poems, the divine and earthly love in the works of Muhammed Fuzuli, the sublime simplicity and enviable imagery of Vagif's poetry. In most lyrical poems, many poems and all verse plays of the poet, sublime and philosophical romanticism is noticeably dominant alongside realism.

АЗЕРБАЙДЖАН

Я ходил по горам, я глядел меж лугов
В журавлиные очи родных родников;
Издалёка выслушивал шум тростников
И ночного Аракса медлительный ход.,
Здесь я дружбу узнал, и любовь, и почёт.

Можно ль душу из сердца украсть? – Никогда!
Ты – дыханье моё, ты – мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!
На горах твоих кудри белей молока,
Как чадра, укрывают тебя облака.
Над тобою без счёта промчались века,
От невзгод поседела твоя голова...
Как ты много терпела – и снова жива.

И невежды порочили имя твоё,
И безумцы пророчили горе твоё,
И надежды измучили сердце твоё,
Но пришла благородная слава твоя,
Велики твои дочери и сыновья!

Пусть Баку мой неведомый гость навестит:
Миллионами солнц его ночь поразит.
Если северный ветер на вышках гудит,
Откликается эхом песчаный простор,
Полуночные горы ведут разговор...

Можно ль мать у ребёнка украсть? – Никогда!
Ты – дыханье моё, ты – мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

На серебряном Каспии ветры свистят,
Изумрудные пёрышки уток блестят...
Пусть влюблённые путники нас навелят,
В Шамахе и в Шамкире пусть выпьют вина!
Ах, как жизнь коротка, как дорога длинна!
Любоваться хотел бы я тысячу лет,
Как играет в ущельях рассеянный свет...
Пробегают олень, оленёнок вослед,
И зовёт, и под камнем находит приют,
А быки на эйлагах молчат и жуют...

Рано утром, поэт-путешественник, встань!
Пред тобой Астара, пред тобой Ленкорань,
Из Египта, из Индии в раннюю рань
К нам слетаются птицы, ликуя, крича,
Словно вышли на волю из рук палача!

Здесь желтеют лимоны прекрасных садов,
Нагибаются ветви под грузом плодов,
И тому, кто работал, здесь отдых готов...
Золотого чайку завари и налей,
О невеста, для матушки старой моей.
В Ленкорани цветы и свежи, и стройны,

И прекрасны, как женщины нашей страны.
И амбары народные хлебом полны,
Белый хлопок сияет, как снег на горах,
Сок лозы виноградный кипит в погребках.

Выпей утром, когда ещё море темно,
Этот сок, ещё не превращённый в вино, –
Будет силою всё твоё тело полно!
Сила солнца – наш верный союзник в борьбе
И в работе, она да поможет тебе!

Сядь в Газахе на красного с искрой коня,
Приласкай его, добрую дружбу храня!
Он тебя понесёт мимо шумного дня
На вершины Кяпаза, где холод остёр:
Погляди на Гей-гель, королеву озёр!

О, страна моя, родина музыки ты!
Твои песни, как летом плоды, налиты!
Ты – серебряная колыбель красоты!
Сгустки музыки – тысячи наших сердец.
В каждом малом селе есть любимый певец,
Не умрёт Насими, не умрёт Физули –
Дорогие поэты старинной земли,
Как туманные звёзды, мерцают вдали...
Но родится здесь много таких, как они,
Это – близкие, это – земные огни!

Можно ль песню из горла украсть? – Никогда!
Ты – дыханье моё, ты – мой хлеб и вода!
Предо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

ТОСКА МОСТА

Перед нами Аракс! Виден мост впереди.
Поезд стал. И на миг всё померкло вокруг...
Сердце будто бы остановилось в груди.
Показалось – весь мир обрушится вдруг!
На тот берег мы с грустью из окон глядим;
Повторяет любимая рядом в слезах:
«Ах, Аракс! Ведь сестра моя где-то за ним,
Двадцать лет мы живём в разлучённых краях...»
Мчится бурный поток по ущельям глухим
И гремит, и бушует в крутых берегах.

Рассекает он скалы по сторонам,
Как бегущее время, стремителен он.

Лбы утёсов склонились к могучим волнам,
Будто горы к Араксу пришли на поклон.
Но как жалки домишки с другой стороны!
В них мне чудится нашей планете укор...
И люди так редко в селеньях видны,
Словно прошёл там неведомый мор.

Там, не глядя один на другого, дома
Повернули фасады к подворьям пустым;
Каждый наглухо заперт, – глухая тюрьма!
И совсем не клубится над кровлями дым.
А на самом краю лишь могилы видны,
Что омыты слезами угрюмых дождей,
И глаза мои влагой горячей полны,
Видят глыбы упавших надгробных камней...

И «Скалистая высь», молча глядя туда,
Головой в облака поднялась во весь рост...
О, не сотни ли мёртвых за эти года
Проводил её взор на огромный погост?..
Как стремится туда и души моей взор!
Стал привычен к страданью жестокому я.
Город сердца пожаром охвачен с тех пор...
(Быть поэтом – немалое горе, друзья!)

Но отбрось эти скорбные мысли, поэт!
Время мчится вперёд, и раздумье – не в срок.
Подари ты народу, тем гневом согрет,
Стих про каменный мост через бурный поток.
Был рукой архитектора мост возведён,
Над Араксом раскинута своды его,
На столпах мироздания покоится он:
На фундаменте гор - на основе всего.

Сколько лет он, кто знает, уже простоял,
Видел тысячу вёсен и зим этот мост?
Но с него даже камень простой не упал, –
Так он твёрд, и устойчив, и сказочно прост!..

Шли войска, и орудия были на нём.
Но стоит над Араксом он, горд и суров.
И давно всё на свете ему нипочём,
И, как лев, он с волнами сражаться готов.
На него устремляются солнца лучи.
И в иные погожие летние дни,
Будто яхонты, светятся все кирпичи!
А в тумане – сереют как скалы они...
Говорят, и такая бывает пора,
Когда снег одеваает пролёты моста,

Как шакалы, кругом завывают ветра,
И на землю нисходит с небес темнота.

Без конца я смотрю на него издали.
Долго, долго у берега поезд стоит...
Здесь верблюды, звеня колокольцами, шли,
А теперь даже птица сюда не летит...

С гор спускается вечер к усталой земле,
И ущелья томлением смутным полны.
Там Аракс, то блестя, то тускнея во мгле,
Разрывает рыданьем покров тишины.

Я смотрю неотрывно. А поезд стоит –
Как нарочно, решил нас удерживать тут.
Старый камень плющом и травкою повит.
Ни следы, ни тропинки к нему не ведут.
Ах, кто знает, с каких не ступали времён
Пешеходы на прочные плиты моста?
На дорогу с тоской смотрит, кажется, он...
Но дорога – пуста.

Кто же там, у воды? Как явился в наш век
Этот старец, покинувший древнюю даль?
Но не миф, не мираж, он – живой человек.
Я в глазах его вижу печаль.

Хмуря брови, на мост он сурово глядит
И несёт свою боль с незапамятных пор.
Вся в мозолях рука, в сердце – горы обид,
И туманом одет его взор.
Кто взглянул, как натружена эта рука,
Тот поймёт: архитектор стоит перед ним!
Он давно у Аракса, быть может, века,
Над созданием униженным плачет своим...

Ах, кто знает, с каких не ступали времён
Пешеходы на прочные плиты моста?
На дорогу с тоской старца взор устремлён,
Но дорога – пуста...

Перевод Аделины Адалис

ЦВЕТOK

Колышется горный подветренный склон:
Зелёное море колеблет цветы.
– Души моей пламя, ты явь или сон?
Сожжён я сияньем твоей красоты.

Касаются робко тебя облака,
В жару притеняет чинара слегка.
– Меня трепетать заставляет тоска,
Удел мой печален, – промолвила ты.

Я выпил бы нежность единым глотком,
Но холод осенний подкрался тайком,
Расстаться пришлось мне с прелестным цветком.
– Прощайте, прощайте, любовь и мечты!

Я ВСПОМНИЛ

Не устану в дастанах тебя воспевать.
Жизни ранней начало в волнение я вспомнил.
Ты великих поэтов великая мать, –
Вольных соколов в небе паренье я вспомнил.

Прочитай мою душу средь строчек письма.
Там стучит моё сердце, в них правда сама.
Как возлюбленной груди, кругла шамама,
И баштаны порою осенней я вспомнил.

На бумагу заветное слово излей, –
Вспомни отчий очаг, трепетанье углей,
И джейрана прыжок, и глаза журавлей...
Материнской руки мановенье я вспомнил.

Скрылось время, когда средь крутящихся вьюг
Сто земель я объездил, влюблённый ашуг.
Веселил я на свадьбах друзей и подруг, –
Молодецкие пляски и пенье я вспомнил.

Был полночной луною хребет осиян –
Возносилась в небеса гора Гёйазан.
Поднесла мне невеста прохладный айран,
И улыбку её, и смущенье я вспомнил.
Дух свободного края пойми и воспой!
Не обиженным будешь, наш друг дорогой, –
Гостя девушки встретят шумливой толпой,
Их косичек тугое плетенье я вспомнил.

Пред глазами Вургуна равнинный простор,
Снова вьюга кипит у подножия гор, –
Он объятья родимому краю простёр,
Дорогие навеки мгновенья я вспомнил.

Перевод Татьяны Стрешневой

ФИЛОСОФИЯ ЖИЗНИ

Как уносятся птиц вереницы,
Поколенья уходят в отлёт, –
Человечество то веселится,
То отраву смертельную пьёт.

То в тисках, то ломая оковы,
Точно русла стареющих рек,
Изменяются снова и снова
И вселенная, и человек.

Всех нас счастье влечёт изначала,
Но над нами, смеясь искони,
Подпускало к себе, ускользало
И звало на бегу: «Догони!»

О, безумная, дивная пери,
Брось негодную, злую игру.
Я свидетельствую и верю:
Всё живое стремится к добру.

Этой тяги таящейся ради
Окажи свою помощь живым.
Смерть – проклятое ада исчадьё,
Жизнь – сияющий серафим.

С сотворения мира две силы –
Свет и тьма – в вековечной войне.
Тьма – зияющая могила,
Солнце – к воле взывает извне.

Зло досталось вселенной в наследье
В незапамятные времена,
Но, дыханье зимы обезвредя,
Настаёт в наших душах весна.

Между горестями и весельем
Нет похожего ничего.
На два мира особенных делим
Мы уныние и торжество.

Но крылит из столетья в столетье
Мысль, исполненная огня, –
И фантазия щелкает плетью,
Погоняя веками коня.

Утро счастья, таинственный гений,
Перелей благодать через край.
Осчастливь и направь поколенья,
Руку помощи людям подай.

Чем ты радовать станешь, стихия,
Если будешь, как камень, гола?
Как бездетности недра сухие,
Бесполезные гибнут дела.

Не сойди же со сцены в бесплодьё,
Стань за новую правду горой.
Дай победу над рабством свободе,
Славой сторону нашу покрой.

Божество прошлых дней - угнетенье
Нами вдоволь натешилось встарь.

Отжила и становится тенью
Эта подлая, старая тварь.

Счастье – детище нашего века
И, как истинное дитя,
Улыбается человеку,
Солнцем будущего света.

Перевод Бориса Пастернака

РЕЙХСТАГ

И капитан воскликнул: «Вот рейхстаг!»
И я увидел битый камень, щебень,
Куски колонн, проломы в ста местах
И купола раздавленного гребень.
Всё в копоти, в извёстке и в пыли...
Без всякой злобы к этой чёрной груди
Я думаю: как точно разнесли
Свою мишень тяжёлые орудья!

Гнездо убийц, садистов и шпиков
Недавно угрожало всей вселенной.
Ну что же тут прибавить! Вот каков
Конец у всей империи растленной.

Здесь Гитлер хвастал, пыхась и кичась,
Что целый мир ему под ноги ляжет.
Нет Гитлера! Молчит о нём сейчас
Фугасами распаханная пажить.
Избавлена Европа от змеи,
Спасли весь мир советские солдаты.
В сырой земле товарищи мои,

В сердцах живущих – память славной даты.
Здесь вписаны и ваши имена,
Сыны Баку, сыны родного края.
Пускай придут иные времена,
Ваш подвиг будет жить не умирая.
Вот он стоит, разрушенный рейхстаг,

Проломы, бреши, битый камень, щебень,
Куски колонн, проломы в ста местах
И купола раздавленного гребень...
И падают снежинки на рейхстаг,
Ткут саван для железного скелета,
И внятно говорит картина эта:
«Любой завоеватель кончит так!».

СТАТУЯ МАТЕРИ

И мрамором, и бронзовым литьём
Любой из городов земли украшен.
Людская мысль в парении своём
Вздывает арки, строит своды башен.

Подумай - от каких-то серых скал
Ваятелем отторгнутый осколок
Явился в мир, живым созданием стал,
И век его неисчислимо долог.

Гроза и буря, ураган и дождь
Шумят над ним. Проходят вёсны, зимы...
Ничто не потревожит эту мощь:
Красуется, как встарь, неотразимый!

Художник вырвал вечности кусок
Из первозданной каменной породы.
Да, человек воистину высок,
Любимый сын у матери-природы!

Я на берлинской площади пустой
Видал фигуру матери простой.

Среди развалин статуя стояла,
Не тронутая пламенем войны,
И материнством праведным сияла:
Все дали мира были ей видны.

На книгу положив спокойно руку,
В другой сжимая тонкое перо,
Она ко мне склонилась, словно к другу, –
Вся – нежность, вся – вниманье и добро.

Шли годы. Вырастали год за годом
Солдатские могилы без числа...
А эта мать, мужавшая с народом,
Быть может, миру Тельмана несла.

Ни серых пятен пороха, ни вмятин
От сплюснутых свинцовых пуль на лбу.
Она молчит. Но женский голос внятн:
Зовёт он поколенья на борьбу
За новый мир без гнёта и насилья!

Недаром проходили времена,
Недаром люди беды выносили.
А всё-таки не старилась она!
И вот в Берлине новом и суровом
Колонны демонстрантов перед ней
Проходят с нашим знаменем багровым, –
Пред матерью, – что может быть родней!

И кажется, та женщина большая
Идёт в рядах народа своего,
Как сыновья-борцы, провозглашая
Непобедимой правды торжество!

Перевод Павла Антокольского

ЛОНДОНСКАЯ СТАРУХА

Известно, что за долгие века
Случалось на земле чудес немало.
Но новорождённых старух пока
Нигде ещё как будто не бывало.

К старухе той, что в Лондоне жила,
Как и ко всем, пришла не сразу старость.
Она была малюткою. Росла,
Играла в куклы. Плакала. Смеялась.

Потом училась, надо полагать...
Цветущей юностью сменялось детство,
Когда в нездешний мир отец и мать
Ушли, оставив девушке наследство.

Поехала карета под уклон!
Куда с богатством выплывшим деваться?
То в Ниццу, то в Париж, то в Вашингтон
Оно влекло девицу развлекаться!
Решила, что любви не нужно ей,
Не нужно мужа и семьи не нужно,
Пусть бедняки, плодясь, растят детей
И для потомства трудятся натужно.

Богатым молодость затем дана,
Чтоб обращать любое чувство в шалость.
На голос дружбы искренней она
И в зрелом возрасте не отзывалась.

Что дружба! Без неё до поздних дней
Считала женщина дворцов ступени!
В крылатых фраках сэры перед ней
Склоняли с возделением колени!..
Но стукнуло богачке пятьдесят.
Седины в волосах её блестят,
И зубы срочно требуют замены.
Проходят мимо
Многие джентльмены...
Закрыв на все замки своё жильё,
Она сказала: – Скатертью дорога!
Чтоб скрасить одиночество своё,
Пущу к себе бездомного бульдога.

И осчастливленный рычащий пёс
Отшельнице спокойствие принёс.
Она его за стол с собой сажала...
Ей до людей голодных дела мало!

Да что там люди!
Даже высший свет
Не мил ей больше. И ничто не мило.

Старуха до семидесяти лет
Вдвоём с барбосом время проводила.

Подолгу с ним наедине вела
Весьма душеспасительные речи.
И вот совсем недавно умерла
Она в особняке своём под вечер.
Наутро
Под подушкой у неё
Нашли письмо на гербовой бумаге:
«Дарю всё состояние своё
Забоящимся о собачьем благе».

Мысль высших сфер
Высказывая вслух,
Писала буржуазная газета
О том, что не было в стране старух
Великодушней, чем старуха эта...

Перевод Александра Жарова

ПОЭТ, КАК РАНО ПОСТАРЕЛ ТЫ...

Поэт, как рано постарел ты...
Ты, говорят, счастливый самый,
Хотя всю жизнь ты горем сыт;
Как снег в горах, оно висит
Над головой твоей упрямой.
И сколько бы других ни грел ты,
Ни влѣк бы к сердца очагу,
Вся голова твоя в снегу!
Поэт, как рано постарел ты...
Вчера, когда окончил ты
Читать... Когда, в руках цветы,
Безмолвная, перед поэтом
Стояла девушка с букетом,
Как долго на неё смотрел ты,
Читая у неё в глазах
Наивное по-детски: ах!
Поэт, как рано постарел ты!
Охотой увлекался ты,
Под буркой ночевал в пустыне
И за козлами по стремнине
Спускался с горной высоты.
Как прежде, брал их на прицел ты,
Но пули мимо них прошли
И только свистнули вдали:
Поэт, как рано постарел ты!

Ты был жесток в житейских схватках,
Был друг друзьям, был враг врагам.
Но тот, кто в жизни только лгал,
Кто дружбу предлагал, как взятку,
Кто с лестью лез – чтоб подобрел ты,

Сейчас, скрывая торжество,
В твой дом вползая, шепчет: «О
Поэт, как рано постарел ты...»

Да, голова твоя седа,
Поэт. Но это не беда:
Ни женщина, что ты любил,
Ни родина, чьим сыном был,
Те двое, для кого сгорел ты, –
Пусть голова твоя седа, –
Тебе не скажут никогда:
«Поэт, как рано постарел ты!»

Я НЕ СПЕШУ...

Всё в звёздах небо, с моря дует ветер.
Мы встретим со стаканами зарю.
Не говорю: «Забудем всё на свете!»
«Согреемся немного», – говорю.
Пусть длится ночь, пусть опоздает утро, –
В объятьях дум сию у огня.
Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга – выслушать меня!
Пока любить и петь я мучим жаждой,
Пока, живой, теплом земли дышу,
Я жизнь продлю в её мгновенье каждом, –
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Любовь моя! Чтоб лет моих не выдать,
Не говори, что я устал и стар.
Я видел меньше, чем хотел бы видеть!
Встань, обойдём земной летящий шар!
И если парус дум моих летучих
Нас бросит в океаны и моря,
Не бойся! Я дорог не знаю лучших,
Чем те, где не встают на якоря.
Звезда ль меня лучами с неба тронет,
Иль сам звезду на небе погашу,
Пусть радость и печаль своих коней не гонят.
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

И ты, мой друг, охотник, всю округу
Облазивший со мною на веку,
Давай пройдемся медленно по лугу
И «здравствуй» скажем каждому цветку.
Я должен над цветами наклониться
Не для того, чтоб рвать или срезать,
А чтоб увидеть добрые их лица
И доброе лицо им показать.
Они раскроются по доброй воле
На час, на день, на сколько попрошу.

Куда спешить мне? Я не ветер в поле!
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Пусть туча медленней пройдёт над нами,
Пусть медленней течёт река. И пусть,
Весь мир на капли разделив глазами,
Я каждую запомню наизусть.
Не думай, я не постарел, я просто
Хочу, чтоб всё в нас оставляло след,
Чтоб мы, не доживающие до ста,
Прожить умели за день десять лет.
Пусть не спешит перо в руке поэта
Скорее книгу жизни завершить.
Пусть длится день! Пусть вертится планета!
Я не спешу.
Мне некуда спешить.

ТЕЛОГРЕЙКА

Ты помнишь, друг, как я назад три года
В Москве с утра к тебе ворвался в дом?
И сколько б мы ни пили в ту погоду,
Дай Бог, чтоб чаще было так, вверх дном!

Южанин, был я в ту метель простужен,
И как же ты ругал меня, корил!
Что даже пусть я сам себе не нужен,
Тебе я нужен! – так ты говорил.
Сняв телогрейку, тёплую от тела,
Её мне по-солдатски подарил.
«Простуженный поэт – дрянное дело!
Не смей болеть!» – так мне ты говорил.

И голос твой, как огонёк за вьюгой,
Не позабуду я, пока живу.
Пусть будет щепкою подарок друга, –
С той щепкой я моря переплыву!

Когда теперь с ружьём в степи шагаю,
И зимний холод режет как стекло,
Я сразу телогрейку надеваю,
Хранящую ещё твоё тепло.
Когда в Баку ударит норд весенний,
И с лёгкими опять вдруг канитель,
И все родные хором, нет спасенья,
Зовут врачей, чтоб класть меня в постель,

Я надеваю телогрейку эту
И в ней сию упрямо у огня.
Каких врачей ещё искать по свету,
Когда ты взялся вылечить меня?!

Перевод Константина Симонова